

Илья Муромец и сын

По-за стольнѣму городу по-за Киеву,
По-за Киеву по-за триста вѣрст
Тут стоял-то шатѣр да бел-полотенной.
Ах, во том-то во шатри во полотенном
Были-жили двенадцеть богатырей.
Во пѣрвых-то был тут стары́й казák,
Стары́й -де казák Илья Муромець,
Во вторых тут был Добрынюшка Микитич млад,
Во трѣтьих был Олѣшенька Попович млад,
Были два брателка, два Суздальця.
Поутру-то стар да стал раным-рано́,
Он раным-то стал да ранѣшенько,
Умывалсэ он да ключевой водой,
Утиралсэ он да бѣлым полотно́м,
Он молилсэ Спасу Превышному,
Он и брал тут трубоцку подзорною,
Выходил-то на улицу широкую,
Он и зрел-смотрел во все стороны.
Он завидел ту стороноцку со западну.
Из Волынь из города из Гáличи
Не темна-та тученька затупилась,
А не синѣ-то облако накатаетци,
Как в копотí, в тумани знаменуется —
Не знать, конь-то бежит, не знать, молодѣц идет:
Только знать — побежка лошадиная,
Как бы знать — поездка богатырская,
Конь-то бежит — голову́ высоко́ несёт.
Заходит-то стар во бело́й шатѣр,
Говорит-то стар да таково́ слово́:
«Вы дружья́-братья́ да всё товарыщи!
Не пора-де спать — пора вставать!»
Не успел-то стар да рассказать весь,
Проеждят-то Сокольник да мимо за́ставу,
Мимо за́ставу да городóвую,
Как бы их-то двенадцать богатырей ничем считат.

Говорит-то стар да таковó слово:
«Кого же послать да за Сокольником?
Послать-де Олѣшеньку Поповиця —
Он роду сольни́вого,
Сольни́вого, неповорóтливого:
Потерят он свою буйну голову.
Послать два бра́телка, два Суздальця —
Ихнё дело не бывало же,
О бою-драке да не видали же:
Потерят свои они головы.
Послать-де Добрынюшку Микитьича —
Как ёго-то дело бывало же:
Он умет-то в поле с бо́гатырем съехаться,
Он умет-то бо́гатырю честь воздать»
Говорит-то Добрыня таковó слово:
«Вы дружья́-братья́ да всё товарищи,
Вы седлайти-уздайти моего коня!»
Они седлали-уздали добра́ коня,
Они клали двенадцеть подпружинок,
А тринадцату клал через могучу степ,
Не ради басы́, а ради крепости.
Одной-то Добрыня ногой да в стремя́ ступил,
А другой-то ногой на коня скочил —
По цисту полю да курюва́ стоит.
Сустегал Сокольника.
Закричал-то Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по-солóвьиному —
У Добрыни па́дал конь со резвых-то но́г.
«Ах ты конь, мой конь да товаришш мой,
Унеси-ко меня да от поганого,
От поганого да от Издолишша!»
А на то-де Добрыня поворóт дает,
Едет Добрыня ко белу́ шатру.
Встречают его дружья́-братья́ товарищи:
«Што же ты, Добрынюшка, не везёшь ведь ты,
Не везёшь ведь ты да буйну голову,
Буйну голову да на востры́х копьях?
Хотя бы мы погáлились!» —
«Едет-де да не моя чета!»

Сидит-то стар да во белом шатри,
Возъерилось ёго да ретиво сердце,
Росходились ёго да могучи плеча:
«Вы седлайти-уздайти да моёго коня!»
Они седлали-уздали добра коня,
Они клали двенадцать подпружинок,
Тринадцату клал через могучу степь.
Одной-то стар-то в стремя вступил,
А другой-то ногой на коня скочил —
По цисту полю да курюва стоит,
Он и темны-то лесы промеж ног берёт.
Сустегал Сокольника недалече он,
Недалече от Киева — ровно за пять вёрст.
Закричал Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по-соловьёму,
У старика конь-то падал со резвых-то ног.
Бьёт-то стар да по крутым ребрам:
«Ах ты конь, мой конь — да травяной мешок!
Не слышал ты в поле вороньего карканья,
Не слышал ты вороньего курканья?»
Вскочил-то конь на резвы ноги,
Подскочил-то конь да ко Сокольнику...
Поздоровались они да не-то с радости —
Поздоровались они все как с грубости.
Говорит-то Сокольник таков слово:
«Уж я съедуся со старым казак —
Подобру-то с им да не розъедуси!»
Не две туценьки тут да всё затуцились,
Не два ясных сокола вместо слетались —
Два богатыря вместо съездялись.
Они съехали на сабли острые —
Сабли у них да пощорбались:
Бросали тот бой да на сыру землю.
Съехали они да на острые копья —
Острые копья у их да поломались.
Съехали они да на палицы буялые —
Бросали тот бой да на сыру землю.
Скакали они да со добрых коней,
Со добрых коней на рукопашный бой.

Они бились-дрались да девять сутоцек:
Пробили они да до колéна грезь.
У стара ка[зака] права рука да промахнуласи,
Лева нога да подкатиласи —
Упал-то стар да на сырú землю.
Наскочил-то Сокольник да на белы́ грудí,
Разрывает он латы булатныя,
Вынимат он ножище-чинжалищó,
Хочет старú-то ткнуть да во белы́ грудí.
Тут-то стар-то приросплакалси:
«Пресвета ты Мать ты Божья Богородиця!
Я стоял-то за веру крещоную,
Я за те же за церкви за Божии,
А дала ты поганому Издолишшу
Принадгалитцэ!..»
Не живая рыба встрёпескаласи, —
Тут-то стар да възъерилса он:
Он стрехнул-то Сокольника выше нунь,
Выше лесу стоячего.
Упал-то Сокольник на сырú землю —
Отряхну́ло его да рéтиво сердцё,
Наскочил-то стар да на Сокольника.
Розрывает он латы-то булатныя,
Вынимат он ножище-чинжалищó,
Хочёт ткнуть Сокольника во белы́ грудí —
По локтю рука да застояласи.
«Ах ты цей, удалой доброй молодець?» —
«Ах ты, старой чорт, седата борода!
Был я у вас на грудях — да не спрашивал!» —

«Чей ты удалой добрый молодець?» Он сказал: «Я отца своего не знаю,
Латыгóркин сын».
Он ведь говорит: «Сын-то мой милой, чадо мое милое!» Тут они мировую
выпили и по домам
розъехались.

Сокольник приехал домой. Мать его дома на крыльце стретает. Он говорит:
«Стар казак тебя
называет б<лядью>, меня выб<лядком>». Он мать-то шаркнул копьём,
через себя свиснул. Да

опять-то поехал к стар-от козаку к шатру.

Стар-то козак спит. Он его ткнул, старого козака сонно́го, копьём. Ему попало в крест. Он пробудился. Пробудился, схватил Сокольника: одну ногу — в руки, на другую наступил, — так его и розорвал!

(Старому козаку смерть не была писана.

Конец неловко́ пет, нескладно. Остаточки. Да и мне надоело петь.)

(Зап. А. М. Астаховой 29 июня 1928 г.: д. Засулье Лешуконского р-на — от Михеева Варлама Матвеевича.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.